

Верещагин, Василий Васильевич

**Очерки, наброски,
воспоминания В.В.
Верещагина
с рисунками**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В31

В31 **Верещагин, Василий Васильевич**
Очерки, наброски, воспоминания В.В. Верещагина: с рисунками / Верещагин,
Василий Васильевич – М.: Книга по Требованию, 2012. – 160 с.

ISBN 978-5-458-06341-8

Очерки, наброски, воспоминания В.В. Верещагина : с рисунками: Типогра-
фия Министерства путей сообщения (А. Бенке), 1883:

ISBN 978-5-458-06341-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ИЗЪ РАЗСКАЗОВЪ КРЕСТЬЯНИНА ОХОТНИКА.

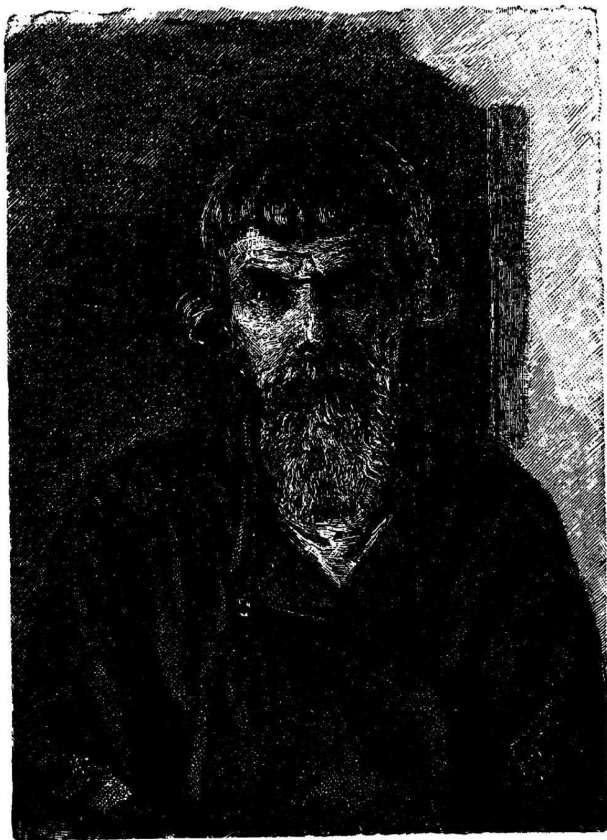
(Новгородской губ.. Череповекаго у.).

... „Прежде оленей много было, нынче неизвѣстно для чего не стало; нынче лоси забѣгаютъ, а пока олени были, не было и лосей, такъ думаю, ужъ не эти-ли выжили оленей-то. Олень траву ѣсть да мохъ съ елочекъ, а лоси-то вереснякъ, да крушинникъ, да осинку или сосенку молодую гложеть; коли осину стоячую или лежащую, или соснякъ мелкій гложуть—значить есть лоси, поэтому ихъ и узнаешь. Олень-отъ допускаетъ близко; когда такъ сажень на 20 подпустить, а лось и за полверсты учуетъ человѣка. Прошлую зиму только одного лося убили мы съ сыномъ; да ноги-то худъ ходять, такъ я ужъ прочь отваливаюсь отъ этого дѣла, а вотъ въ П*** много убили... Какъ можно! лось крѣпко чутчае; гдѣ еще ты идешь, а енъ ужъ убѣжалъ, такъ устрѣлить-то и хитро. Вотъ какъ двое али трое, такъ встричу заходятъ; одинъ на слѣдъ стаетъ, да тутъ и стоитъ, а другой за нимъ идетъ; олень-то все по своему же старому слѣду и ходить, такъ мало-ли, много-ли постоишь, енъ на тебя опять и выйдетъ. На лыжахъ все ходишь лыжи-то иное положишь рядкомъ, да и ползешь, на лыжахъ-то, съ полверсты, да какъ близко подползешь, поднимешься, да и убьешь. Одиново двухъ устрѣлилъ, сажень за сорокъ изъ оленя въ

оленья, такъ пуля скрозь и прошла: одному въ груди́ну, черезъ сердце — тутъ и ткнулся, и пади не отошелъ, а другога въ бока́, поперека́ брюшины, тотъ убѣгъ, да съ версту бѣжалъ — палъ, да тутъ и издохъ.

А то, еще съ оленемъ шутка у меня была: лѣсомъ я шелъ, вижу я лежить; енѣ-было сталъ вставать — я съ руки и хлоцъ, въ шею попалъ, а енѣ я палъ; въ груди́ну мѣтилъ-то, да повернулся енѣ, такъ въ шею попало; ну, какъ палъ, я лыжи бросилъ, подбѣгъ, ножикъ выхватилъ да горло перерѣзалъ; пока сталъ ружье заряжать, запыхилъ и пули еще не пустилъ, а енѣ какъ вскочить, да какъ побѣжить: сажень десятокъ отбѣжалъ, да тутъ и бухъ, тутъ и мой сталъ. Каковъ? съ перерѣзаннымъ-то горломъ!.. А то, шелъ и разъ серединами-то этими-же, по слѣдамъ. Слѣдъ есть, такъ думаю, пойду все по слѣду; иду, да какъ вышелъ изъ лѣсу на ниву, анѣ они и идутъ мимо меня; артель 6 штукъ — и идутъ. Я ружье съ плечъ снялъ, да съ руки и пустилъ (больше-то все на сосну наровишь приладить, да на 2 сука, это вѣрнѣй) — въ самы пахи попалъ и пуля скрозь перелетѣла, а енѣ и палъ; я ружье опять сталъ заряжать, думаю, не настигну-ли тѣхъ, эту ламу, думаю, убилъ — а енѣ вскочилъ, да и убѣгъ, въ заповѣдь убѣгъ, вонъ куды!.. сажень 20 отбѣжить, да и ляжетъ; какъ я ему подходить, онѣ вскочить и побѣжить; гдѣ полежить — на обѣ стороны кровь. Цѣльный день за нимъ ходилъ, ночью ужъ не пошелъ. На другой день пришелъ, думаю, не издохъ-ли за ночь-то, а енѣ опять вскочилъ и побѣгъ; нельзя стрѣлять, да и что хошь, не подпускаетъ! Почитай къ самому П***, къ полямъ, выгналъ его, тутъ лыжи-то росилъ, на нихъ легъ, да на брюхѣ на лыжахъ и поползъ; какъ близко, сажень на 20, подползъ, на ноги поднялся, енѣ меня увидѣлъ, тоже подниматься только сталъ, тутъ я съ руки — такъ и чубурахнулся. Ты думаешь, вѣдь звѣрь, все хочется уйдти! Двое сутокъ вотъ за однимъ ходилъ; иное подшибешь да, какъ иметъ енѣ погуливать, такъ и бросишь. Далекое то зайдешь, такъ только и думаешь, какъ бы домой добратся; дома не знаютъ, что съ тобой и дѣлается, не знаютъ, что и думать!

И въ кляпець (ловушка) оленей лавливалъ; ставий-же, какъ зайцевъ что ловять, только большій, въ полпуда будетъ (кляпцевъ у меня много: заячихъ штукъ 20, да волчьихъ съ десятокъ будетъ). На ходъ на ихній поставленъ былъ; енъ попалъ, да съ кляпцемъ-то

Крестьянинъ охотникъ.

и ходить, волочить его, меня-то не подпускаеть — за имъ опять и пошелъ; такъ три денька ходилъ. Убить нельзя — далеко убѣгаеть; я-бы ужъ и бросилъ, да кляпца-то жалко, — кляпець-отъ пропадетъ съ нимъ. Обошелъ ужъ, на встрѣчу ему и вышелъ; енъ идетъ да поѣдаеть, съ елокъ да съ сосенъ мошекъ енъ все ѣсть,

да ко мнѣ-то и подвигается, меня не видитъ; съ рукъ я спустилъ — въ заднія ноги попалъ, да живаго такъ на барскій дворъ и привезъ, тамъ и зарѣзали. Совсѣмъ живой! какъ лежитъ, такъ и не знать, что подстрѣленъ; пытала въ тѣ поры пѣнять барыня-то: „ты-бы, говоритъ, ухитрился-бы какъ ни на есть здороваго доставить“; да какъ тутъ ухитришься-то; пожалуй, не стрѣлай совсѣмъ, такъ и останется живъ — ищи его послѣ...

На лосей такъ вотъ у меня особенное, большое ружье, сажень на 50 пуль береть, только покрѣпче держи, какъ хватить! Сколько вѣдь и мимо свинцу-то летить! Случится, приложится некуда: сосны гладки, все равно что съ руки; маленько съ глазу-то ружье опустил — ужъ и мимо летить. Все ладишь на два сучечка класть ружье, тутъ какъ спустишь, такъ и чубурахнется“...

Олени, дѣйствительно, пропали изъ нашихъ мѣстъ; прежде хаживали они стадами штукъ по 30, а нынче совсѣмъ ихъ не видно стало. Нѣкоторыхъ звѣрей, какъ напримѣръ волковъ и лисицъ, стало больше; очень можетъ быть, что волки выжили оленей. За то съ недавняго времени появившіяся лоси съ избыткомъ вознаграждаютъ за оленей. Недавно у насъ убили лося вышиною три аршина (до хребта), вѣсомъ 15 пудовъ: одна задняя лопатка съ жирнымъ, вкуснымъ мясомъ вѣсила болѣе 2-хъ пудовъ. Насколько олень сухопаръ и поджаръ, на столько-же лось крѣпокъ корпусомъ и ногами; осенью онъ походить тѣломъ на хорошо откормленную лошадь. Бѣгаетъ лось очень скоро, не тише оленя, и съ тѣмъ преимуществомъ, что не такъ скоро устаетъ, какъ олень. Шкурки лосинныя продаются здѣсь не дороже 3 руб. штука. Крестьяне пробовали отдавать кожу въ обдѣлку на сапожный товаръ; по общему отзыву, обувь изъ этого товара крѣпка и носится хорошо въ сухое время, мокроты-же не переносятъ, что, впрочемъ, могло происходить отъ дурной выдѣлки кожи, такъ какъ сдѣланъ былъ только одинъ опытъ. Превосходные лосиные рога, которые бывають четвертей по 5-ти длиною, не находятъ себѣ употребленія. Впрочемъ, лосей здѣсь не такъ много, чтобы можно было составить отдѣльный промыселъ изъ добыванія ихъ шкуръ, роговъ и проч.

... „Съ большаго Спасова дни начнетъ вотъ медвѣдь похаживать, каждое лѣто сколько коровъ мнетъ. А. В. покойникъ послалъ меня за медвѣдемъ — корову подшибъ версть за 5 всего: „ступай-ка“, говоритъ, „покарауль, не можешь-ли ушибить“. Я и сошелъ караулить, рано сошелъ, солнышко еще не закатилось — въ сѣнокосное время было, недосугъ... Ну, да нельзя нейти... Вижу, идетъ медвѣдь, ботаеть такъ, на гриву выходитъ и падалъ ужъ близко; енъ-же и подшибъ корову, къ ней и идетъ. Вереснякъ такой частый хруститъ! духъ-то мой вишь учуялъ, такъ взялъ, да и поползъ; подползъ совсѣмъ близко, да и зачалъ эдакъ вверхъ поглядывать; да меня понюхивать — тутъ и увидѣлъ меня, да и на дыбы всталъ, на дыбы всталъ, да какъ фукнетъ на меня!.. Что-же ты, братецъ, думаешь, не взяло ружье; въ затравкѣ что-ль отсырѣло? — на полкѣ-то вспыхнуло, а выстрѣла нѣтъ. Ёнъ вскочилъ, да какъ побѣжить прочь!.. Всю ночь я сидѣлъ; бродить около, кругомъ, а близко не подходитъ; что дѣлать-то, заряжено не для глупости было, да такъ вышло; а медвѣдь хорошій былъ, большой да жирный. Эти медвѣди, ой, какіе дубавые! И не пришелъ бы енъ, кабы я на ходуляхъ сажень сотню не прошелъ: до слѣду человѣческаго какъ дойдетъ, такъ и пойметъ дѣло и поворотить. Иное идешь за птицей, али безъ ружья, такъ думаешь, что коли встрѣчу - то, вѣдь онъ убеть. Вотъ съ волками, такъ хоть и палкой иное справишься, а съ медвѣдемъ хитро, какъ сердить! Въ лѣсъ-отъ пошелъ разъ, такъ на селищѣ посерединѣ моста, — мостъ тамъ такой большой, — медвѣдь идетъ, а ружья-то не было, за грибамъ ходилъ, такъ мостовину взялъ, да на него эдакъ и машу, да и рычу: У! У, ты!.. Остановился енъ близко ужъ, да застонулъ, да застонулъ, да встону и повалилъ.

Все больше его по ночамъ опасаясь. Ёнъ прямо и къ падали не поидеть, не одинаго обойдетъ: не прошелъ-ли кто — прошелъ, такъ поворотить назадъ и идетъ въ свое мѣсто. Тутъ надо одному ходить; въ первый день, какъ корову зарѣзаль, — на ели или на чемъ случится тихимъ образомъ и сиди, и не зѣвай; ружье-то обмой хорошенько, духу-то не давай; одинъ вотъ только испугаешься,

коли не привыченъ. Это, братецъ, за медвѣдемъ ходить, такъ по книгѣ Божіей показано, что 12-и силъ надобно быть; только не разговаривай: и потихоньку что скажешь товарищу — ень услышитъ, чутокъ! Тутъ ужъ на смерть идешь: убьешь — такъ убьешь, а не убьешь, такъ пропадешь. Мы хоть изъ-за оброка ходимъ; только и добычи, только тѣмъ и покоримся, а господа изъ за-чего ѣздятъ? изъ-за потѣхи, поглядѣть да потѣшиться — охота-то пуще денегъ“...

Кажется, старикъ преувеличиваетъ опасность встрѣчи съ медвѣдемъ. Я, правда, напимѣрь, слышалъ, что здѣшнихъ бабъ, когда онѣ ходятъ за ягодами, медвѣдь часто пугаетъ, но чтобы какую тронулъ когда-нибудь — случается очень рѣдко. Не знаю, справедливо-ли повѣрье у здѣшнихъ крестьянъ, что когда человѣкъ первый увидитъ медвѣдя, то всегда можетъ испугать и прогнать его; если-же, наоборотъ, медвѣдь первый замѣтитъ человѣка, то тутъ надобно ждать бѣды.

Вотъ нѣсколько случаетъ изъ разказовъ о встрѣчахъ съ медвѣдемъ:

... „Инде и кинется на человѣка, такъ если задѣнешь, да бѣжать ему не въ мочь. Кое смѣлый человѣкъ, такъ за нимъ просто ходить; въ Л*** вонъ стариченко, одинъ все кололъ, 17 медвѣдей закололъ, а охотничекъ и весь не мудреный! Я вотъ за рябчиками ходилъ, гляжу, а онъ морашевникъ (муравейникъ) и роетъ: какъ я эдакъ хрюкнулъ! Онъ какъ повернется, да вякнетъ! да прочь отъ меня; гналъ я его съ версту. Все лѣсомъ бѣжалъ-то, болотомъ — такъ стрѣльнуть неловко, въ топкое болото и ушелъ. Этта мужиченокъ пошелъ утокъ смотрѣть; медвѣдя встрѣтилъ, да испугался, да и присѣлъ, такъ и сидитъ, сверчился и молчитъ; а медвѣдь-отъ заревѣлъ, да на дыбы, да на дыбахъ-то вокругъ него и ходитъ; ходилъ да ходилъ, заморилъ со страху-то, да такъ и ушелъ, не тронулъ.

... „Волкъ вотъ со мной дрался одиново: въ кляпець попалъ, да и пошелъ, и пошелъ; долго не могъ настичь его — настигъ, а ень, братъ, драться со мной; смѣлому надо быть тутъ человѣку; думалъ я, самого онъ меня задавить. Ружья-то не было, а стяже-

чекъ (палка) въ рукахъ эдакой хорошенькой былъ; я замахивать стяжечкомъ сталь, а енъ на задницу сѣлъ; кляпецъ-отъ, фунтовъ 12, поднялъ на лапѣ-то, да съ нимъ такъ и стоитъ на дыбахъ какъ мужикъ съ образомъ и стоитъ съ кляпцемъ-то. Я на лыжахъ стою да боюсь, не сбиль-бы меня; съ лыжь-то скочилъ да стягомъ то и хочу ударить, какъ енъ ко мнѣ подъ ноги-то скочить! схватить меня! — я тутъ изловчился да стяжечкомъ-то его вдоль спины гляжу — онъ повѣсилъ уши, тутъ я давай по головѣ да по чемъ попало. Храни Богъ! какъ-бы до ногъ доскочилъ. Послѣ, какъ много ихъ переловилъ, и опасаться ихъ меньше сталь; махнешь разъ, другой, да веревку возьмешь, да на сукъ, кожу долой — да и домой.

Безъ кляпцевъ ихъ не биваль, не случалось, да даже и видалъ мало: духъ онъ слышитъ, прочъ бѣжитъ отъ человѣка. И норъ волчьихъ не видалъ, сколько ни исходилъ мѣстовъ, а не видалъ; должно быть на мхахъ они строятся, гдѣ народъ не ходитъ, въ широкихъ лѣсахъ, гдѣ середь болотъ гривки сухія есть. Одного если изловишь въ кляпецъ, такъ мѣсяца два никакой волкъ не побываетъ; вотъ онъ какой боязливый на волѣ-то, ну, а въ ловушку-то попадетъ — злѣе станетъ. Кляпецъ изломаетъ иное, какъ начнетъ объ лѣсъ колотить; волковъ пятокъ я упустилъ эдакимъ манеромъ — пропали и съ кляпцами.

Этихъ волковъ какъ хорошенько бить, такъ зимою, въ глухихъ мѣстахъ избушечку надо поставить, чтобъ и съ печкой была, да лошадиной либо коровьей падали и принести, да сажень за 20 и положить, да кое время и не ходить; одна артель-бы поѣла да другая, да потомъ и приди, печку затопи и седи въ теплѣ на караулѣ. Избушку хотъ елочками уставь, чтобъ тебя никакъ не видно было, и духу-то твоего отъ елочекъ не слышно будетъ. Тутъ всѣхъ перебьешь: хотъ и убилъ одного, другіе все похаживать имутъ; не одна артель перебиваетъ.

Прежде у господъ такъ было-же этой волчьей охоты: ямы у нихъ эдакія состроены были, камнемъ обложены, верхъ-отъ легкими камышками, да сучьями заваленъ, да снѣгомъ обложенъ, а мяско-то

въ серединѣ; ѣсть-то имъ охота — какъ имутъ по сучьямъ ступать, такъ всѣ въ ямѣ и будутъ. Ловятъ и нынче этими самыми ямами, да мало попадаетъ, вороватѣе что-ли волки стали“...

Старикъ, кажется, ошибается: волчьи норы есть и въ нашихъ лѣсахъ, только онъ, вѣроятно, принималъ ихъ всегда за норы „язвиць“; и тѣ и другія устраиваютъ часто свои логовища въ старыхъ угольныхъ ямахъ, роютъ ихъ далеко внутрь по разнымъ направленіямъ; разница ихъ въ величинѣ, т. е. волчья нора больше: въ нее свободно пролѣзетъ взрослый человѣкъ. Ее можно знать и по слѣдамъ, нагоптаннымъ передъ входомъ. Здѣсь зимой, въ городу, волки бываютъ очень смѣлы; они прибѣгаютъ въ самую деревню подъ окна; а къ намъ волкъ зашелъ даже на дворъ и привлеченный запахомъ кушанья, залѣзъ-было въ кухню.

Вотъ случай, бывшій недавно съ однимъ крестьяниномъ: онъ повезъ дрова на угольную яму; лишь только онъ подѣхалъ къ ней, какъ оттуда выскочили четыре волка и бросились на бѣжавшую съ нимъ собаченку; онъ схватилъ собаченку къ себѣ въ сани и поворотилъ назадъ, въ деревню; волки побѣжали за санями: два бѣгутъ съ одной стороны, да два съ другой. Вплоть до деревни бѣжали рядомъ; имъ все хотѣлось собаченку-то схватить; только тѣмъ онъ отстоялъ ее, что махалъ палкой попеременно то въ ту, то въ другую сторону. „Такъ, говорить, зубами и щелкаютъ, того и смотри, что самого схватятъ“.

Какъ уже выше было сказано, нынче волковъ стало больше въ здѣшнихъ лѣсахъ; это и не удивительно, если приять въ соображеніе, что теперь меньше охотятся за ними; одни помѣщики прежде много истребляли ихъ, отправляясь на охоту иногда цѣлыми обществами; нынче это совсѣмъ вышло изъ моды въ нашихъ мѣстахъ.

... „Ну, а язвиць знаешь? пестренькія да полосатенькія: черная одна полоса, а другая бѣлая; въ нашихъ лѣсахъ есть, я ихъ половилъ довольно. Какъ вотъ лисица живетъ — въ ямахъ эдакихъ, въ норахъ; нору тамъ сажень на 20 разными ходами выроетъ, вотъ это какая звѣрина! Этимъ въ нору кляпець ставишь; двѣ-ли норы или три — въ каждую по кляпцу; попадетъ-ли, нѣтъ-ли —

всякіе сутки ходишь провѣдывать; гдѣ она входитъ въ нору, тутъ и поставишь, только ставить надо хитро; не изловишь другому ни за что, какъ кто не лавливалъ, не знаетъ какъ поставить, учуетъ звѣрь-то. Я кляпець-отъ въ землю зарюю, чтобы ровно было, да хвоей завалю; и духу не дастъ отъ желѣза-то, какъ хвоей-то завалишь; вотъ онъ какъ таль, какъ полотенца прижалъ — скобы-те и схватятъ его. Кромѣ какъ этой ловушкой, ничѣмъ не изловишь его. Какъ съ собакой идешь, такъ собака по духу въ нору-то залѣзетъ, всѣ ходы выбѣгаетъ: тамъ вѣдь все кривулами, да далеко ходы-то, да изъ норы въ нору выходы. Другой разъ думаешь: ну, пропала тамъ моя собака! какъ лаетъ, такъ и не чуть — вотъ какъ глубоко.

Одиново я самъ дорылся: посмотрю эдакъ куда нора идетъ, колышкомъ пощупаю — да на перерѣзъ; перва вдаль да вглубь все нора шла, а тутъ опять кверху пошла; какъ кверху пошла, тутъ, смотрю трое, и сидятъ, мать да два дѣтеныша; багоркомъ вытащилъ, да и заколотилъ. Съ аршинъ длины будетъ звѣринка-то эта, а вышины и поль-аршина нѣтъ, лапки коротенькія, а самъ жирный; какъ лѣто-то погуляетъ, а осенью поймаетъ, такъ фунтовъ пятокъ сала изъ него вытопишь; а сало хорошее. Этой звѣрины сало у меня и теперь есть, да раздавалъ много: кто тамъ руку али ногу посѣчетъ, такъ хорошо прикладывать; или вотъ у лошади усѣчка — тоже этимъ лечатъ. А то мнѣ въ кляпець разъ сова попала, большущая! Когти, такъ зайца съ кляпцемъ унесетъ да сальная, братецъ, кака! по кулаку сала-то мѣстами; два фунта вытопили изъ ней и хорошее сало, какъ у ягвицы-же — не мерзнетъ.

Куницъ да норокъ много я переловилъ, все кляпцами-же; а кто не знаетъ, тотъ и не изловитъ — тоже все подъ слѣдъ да хранительно... Перво надобно ее прикормить, этихъ безъ прикормки не изловишь: зайца-ли убьешь да въ ломъ, гдѣ ни ест, и положишь, норка-то и иметъ ходить, мяско-то ѣсть; какъ иметъ къ моему мѣсту ходить, тутъ на дорогу кляпець и ставишь. Куничка эдакъ-же: убьешь зайца да повѣсишь на нижній сучекъ, привяжешь; она, какъ гдѣ есть въ лѣсу, ужъ найдетъ, ходить иметъ.

тутъ подѣ слѣдъ-то и поставишь, да снѣгъ опять заровняешь, да слѣдочки, опять какъ у ней были, и подѣлаешь, чтобы не узнала. Зимой все эдакъ ловишь, а лѣтомъ мудрено — развѣ съ собакой: да собакѣ другой не настичь — отстанеть: она вонъ изъ рощи въ рощу вереть за 5 убѣжить — ищи! Эта звѣрина проворная! Живетъ все больше въ бѣлочьихъ гаинахъ: на еляхъ изъ моху у векши-то эдакія гнѣзда настроены — и чего она туда не натаскаетъ, а куничка-то бѣлку заѣсть, да сама тамъ и иметъ жить. Я ихъ въ этихъ гаинахъ часто бивалъ. Только, гдѣ разъ пройдеши съ ружьемъ, такъ не станеть жить; она пороховой духъ чуетъ, она проворна! Нынче меньше что-то стало куницъ; а вѣдь шкурка ея, ты какъ думаешь? хорошая 4 и 5 цѣлковыхъ стоитъ; ну норка — та дешевле, та за 1½ идетъ“...

Кромѣ волковъ и лисицъ, изъ которыхъ первые мало преслѣдуются, а послѣднія трудно поддаются, и потому мало ловятся, всѣ остальные мелкіе, пушистые звѣри, какъ: язицы, куницы, норки, бѣлки и другіе, понемногу переводятся; по крайней мѣрѣ, въ здѣшнихъ лѣсахъ количество ихъ значительно уменьшилось. Развѣ одиѣвъ бѣлокъ и теперь еще бьютъ много; я знаю охотника, который въ три недѣли наколотилъ ихъ болѣе 300 штукъ.

... „Лисицъ нонѣ надо-бы добывать; прошлымъ годомъ все больше птицу билъ: рябковъ да тетеревей подѣ осень-то. Эту охоту, знаешь-ли? какъ мы ихъ дураковъ-то обманываемъ? Чучела есть эдакія: тетеревей убить, да оснимать, да отрепья туда набить — на такія больше летять, а то и просто деревинку синимъ платкомъ обвить, да только забрать бѣлымъ, гдѣ у его есть въ перьяхъ, краской или мѣломъ, и набровнички красные дѣлаютъ. Шалашикъ построишь, да чучеловъ-то сверху и выставишь; въ шалашѣ и сиди тихохонько на караулѣ. Какъ солнышко взойдетъ, тетерева имутъ съ мѣста на мѣсто перелетать; вылетитъ на сосну или на березу, да чучеловъ увидитъ, къ нимъ и летитъ, ты изъ шалашика-то и стрѣлай — тутъ просто. Вотъ лисицъ ловить хитро. Надо быть, она родитъ къ Петровкамъ: въ эту пору хорошо ихъ маленькими брать; только приходи, когда они еще не рѣшатся, а всѣ вмѣстѣ у ма-